

УДК 130.2:32

А.А. Корниенко

«СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА И РЕЛЯТИВИЗМА: К ОФОРМЛЕНИЮ «СИЛЬНОЙ» И «СЛАБОЙ» ПРОГРАММ

В статье рассмотрена проблематика «сильной» и «слабой» программ западной когнитивной социологии науки. «Социальные исследования науки» интерпретированы как разновидность социального конструктивизма и релятивизма, где знание является не отражением объективной реальности, а результатом особой деятельности.

Ключевые слова: когнитивная социология науки, контекст, конструктивизм, деконструктивизм, критерии научности, социальность в науке, интерпретация.

В последней четверти XX в. в западной философии науки отчетливо обозначился интерес к анализу содержания научного знания в любых его формах, интерес к науке как подсистеме культуры, к установлению зависимости между отдельными элементами научного знания и тем социокультурным контекстом, в границах которого научное знание формируется.

Предметную специфику «Социальных исследований науки» определил пересмотр стандартной концепции науки (в 1967 г. профессор Гарвардского университета И. Шеффлер, систематизируя положения социологов науки, сформированные на принципах классической науки, ввел термин «стандартная концепция науки»). Именно стандартная концепция науки являла собой совокупность гносеологических, эпистемологических и методологических интерпретаций природы и морфологии формируемого научного знания, способов получения и обоснования этого знания, интерпретации идеалов научности, интерпретации тех механизмов, которые эту деятельность регулируют. Ряд авторов, к примеру Б.Г. Юдин, справедливо, на наш взгляд, полагают, что в основе стандартной концепции науки лежит обыденный здравый смысл науки, та форма самопознания науки, в которой проявляет себя нерефлексивное отношение к основаниям и предпосылкам научной деятельности. Именно на стандартную концепцию ориентировались позитивисты и неопозитивисты. Стандартная концепция науки не благоприятствовала возможностям социологического анализа научного знания. Неопозитивисты не признавали социокультурной обусловленности познания, она считалась фактором, тормозящим производство достоверного знания. Стандартная концепция создала образ «чистой» науки, независимой от культуры. По существу именно «Социальные исследования науки» сформировали идеал, ориентированный на преодоление позитивистских представлений о науке и ее развитии, на стремление к разностороннему комплексному анализу науки как продукта и существенно-го фактора развития общества.

Пересмотр стандартной концепции науки и появление на рубеже 1980-х гг. целого спектра концептуальных схем социального исследования науки в рамках

социального конструктивизма фундируют потребность в философско-методологической рефлексии комплексного подхода, формирующегося в данном направлении. Идеи этого направления были представлены на Лондонской конференции 1972 г., когда были обозначены контуры синтеза особой проблематики: социокультурной, социологической, методологической и гносеологической, – так сформировалась та исследовательская парадигма, в границах которой за социологическими методами был признан приоритет в исследовании исходных характеристик научного знания, а в социологию науки вошла проблематика философии и логики науки. Когнитивная социология науки требовала исследования науки как целостного феномена, и эту задачу взяла на себя комплексная методология.

Возникшие социолого-научные программы были ориентированы на синтез философии, истории и социологии науки в её традиционной трактовке, так формируется идеал-парадигма, объединившая когнитивные и социальные факторы. Отметим, что уже к середине 1970-х гг. сформировался не только общий рисунок парадигмы «Социальных исследований науки», но и настойчиво заявила о себе группа исследователей, занявшая позиции сторонников «сильной программы» (Д. Блур, Б. Барнс). И «сильная» и «слабая» программы, сделавшие предметом дискуссий проблемы социологии научного знания, природу научного знания, вступили в ожесточенный спор (получивший название «Научные войны» (Science wars) с «реалистами», вставшими в оппозицию к «постмодернистам». «Социальные исследования науки» допустимо рассматривать как разновидность социального конструктивизма и релятивизма, – в пределах исходных установок «сильной» и «слабой» программ знание интерпретируется не как отражение объективной реальности, но как результат особой деятельности. В отличие от этой точки зрения научный реализм, интерпретированный как совокупность нескольких школ в границах аналитической философии, исходит из того, что единственное средство достижения знания о мире, которое может считаться надежным в отличие от обыденного опыта или метафизики, – это научное исследование, где данные экспериментов и наблюдений интерпретируются с помощью специально создаваемых для этого средств – научных теорий. Высказывания авторов научных теорий и терминологический аппарат (без разделения на «язык теории» и «язык наблюдения») имеют онтологический статус, т.е. объекты (предметы, процессы, связи, свойства и отношения, закономерности), обозначаемые этими терминами, считаются реально существующими, а суждения об этих объектах – истинными, ложными или вероятными [1. С. 155]. Последняя позиция присуща У. Селларсу, А. Масгрейву, Х. Патнему, Р. Харре.

Эволюция когнитивной социологии науки стимулировала развитие микросоциологических исследований конкретных ситуаций, возникающих в процессе познавательной деятельности ученых (case-studies), которые представляют богатый эмпирический материал о взаимосвязи когнитивных и социальных структур науки. В 80-е гг. XX столетия возник целый спектр разнообразных, но близких по своим методологическим основаниям концептуальных схем социального исследования науки, предметом анализа стал процесс зарождения научного знания в контекстном про-

странстве научного сообщества. Уже в 80-е гг. XX столетия возникли «интерпретивная» социология науки (Дж. Лоу, Д. Френч), «конструктивистская программа» (К. Кнорр-Цетина), релятивистская программа (У. Коллинз), дискурс-анализ (М. Малкей, Дж. Гилберт), этнометодологические исследования (Г. Гарфинкель, С. Уолгар), этнографические изучения науки (И. Элкан), тематический анализ (Дж. Холтон) – программы, обозначенные в аналитической литературе как социально-конструктивистские, так как научное знание представлено здесь как результат и следствие процесса социального конструирования: «причинная связь, действующая в обществе, имеет самореференциальный характер, который объясняет обязательную силу конвенции» [2. С. 121].

Отметим то обстоятельство, что важной для интерпретации современных эпистемологических проблем когнитивной социологии науки является позиция Э. Дюркгейма, связывавшего категории время, материя, пространство и некоторые элементы категории причинности с социальным контекстом и отождествлявшего когнитивный аспект разума с социальным. Вплотную подошли к интерпретации истории мысли в социологических терминах В. Парето и Г. Зиммель, утверждавшие наличие параллелизма между формами познания (образованием понятий и способами интеллектуального схватывания) и формами социальной организации, что, на их взгляд, является свидетельством фундирования концептов и интеллектуальных ориентаций социокультурными изменениями. И хотя характер самой зависимости форм мышления от социального контекста в истории социологии знания определялся различно, именно специфика предметной области социологии знания позволила в дальнейшем приложить методы и понятия социологии знания к анализу этапов научного знания к генезису научных открытий, к формированию научных сообществ. Так П. Ландсберг осуществил социологический анализ академии Платона; П. Хонигсгейм дал описание средневековой схоластики в терминах социологии знания; А. Демпф и М. Орнштейн осмыслили процесс перехода от схоластики к науке Нового времени и роль научных обществ в XVII в. в рамках парадигмы социологии знания, а в ряде других исследований понятия и методы социологии знания нашли применение в историко-научных описаниях. Ситуация перехода от социологии знания к социологии науки породила различные историко-научные исследования, реализовывавшие программы социологии науки, а формирование комплексного подхода в исследованиях науки происходило в результате приложения концепций и методов социологии знания и социологии науки к историко-научным исследованиям.

Основатели социологии науки – Р. Мертон и Д. Бернал – были одновременно авторами историко-научных исследований, написанных с позиций социологии. Взаимосвязь социологии научного знания и истории науки обусловлена их единством, историческими интенциями самой социологии: внутренняя логика ее развития свидетельствует о том, что и классическая социология в лице Э. Дюркгейма, и неклассическая социология, к примеру теория П. Бурдьё, изначально историчны. Социология Дюркгейма исторична потому, что он стремился изучать институты в процессе их становления, требующем, на его взгляд, активного и сознательного сотрудничества с историогра-

фией, «не существует социологии, которая заслуживала бы этого имени и не обладала бы историческим характером». Э. Дюркгейм утверждал, что социологии и истории суждено сблизиться и что настанет день, когда исторический дух и дух социологический будут различаться лишь оттенками. Э. Бурдьё, как и другие представители современной неклассической социологии, опирается на это и другие положения Э. Дюркгейма, перенося историческое измерение в область социальной онтологии и эпистемологии, он призывает работать над действительно единой наукой о человеке, в которой «история была бы исторической социологией прошлого, а социология – социальной историей настоящего», ставя перед социологией задачу осуществить тройную историзацию: во-первых, историзацию агента; во-вторых, историзацию различных социальных миров (полей); в-третьих, историзацию познающего субъекта и инструментов познания, с помощью которых он конструирует свой объект.

Говоря об эволюции парадигмы когнитивной социологии науки, нельзя преувеличивать роль факторов сугубо философских, к примеру работ Т. Куна [3], позитивистской методологии. Мы полагаем, что эволюция ее исследовательских программ определена, прежде всего, внутренней логикой развития социологии как дисциплины. Дело, на наш взгляд, в том, что в социологии происходили парадигмальные трансформации. Изменились ориентиры интерпретации социального. Особенно характерно это для микросоциологического подхода, – в парадигме последнего отчетливо прослеживается ориентация на идеи А. Шютца и И. Гормана.

«Социальное» здесь интерпретировано как социально организованная интеракция, «совместный мир» (А. Шютц), как совместная активность индивидов, находящихся в отношении позитивного взаимодополнения. Это определяет ряд проблем когнитивной социологии науки, обусловленных неопределимыми преградами между «микро» и «макро». Интерес символического интеракционизма к «стратегиям микротрансляции», позволяющим понять как социальные структуры «повторяются» в конкретных местах коммуницирующих, а также исключительный интерес феноменологической социологии к перспективе самого действующего привели к сдвигам в социологическом подходе к науке и потребовали проявления таких уровней анализа, как повседневная жизнь и повседневные контакты ученых, т.е. антропологии и этнографии, наук, от которых еще в 1970-х гг. социология знания и социология науки принципиально дистанцировались. В 1980-х гг. ведущим направлением становится антропологическое исследование науки – «этнография науки» – микроанализ конкретно-исторических локальных ситуаций в социокультурном контексте.

Сегодня, когда когнитивная социология науки представляет собой достаточно автономное дисциплинарное образование, пристальный анализ социологической методологии и используемых в ее рамках методов исследования (интервью, включенное наблюдение, антропология и этнография науки, биографический метод, метод case-studies), позволяющих выявить генезис научных представлений под влиянием культурного контекста, является принципиально важным, поскольку социология вносит наиболее существенный вклад в «деконструкцию» методологий и методик, употребляемых при изучении проблематики науки. Значение социологической методологии заклю-

чается в переориентации на интерпретативность методов, в акцентуации стратегий описания, а не объяснения, исключающих причинное или факторное объяснение, настаивающих на нарративности не только форм, способов и стиля изложения, но и самих методов исследования.

Литература

1. Порус В.Н. Научный реализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. 1248 с.
2. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. 252 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 256 с.